

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/64/10

Е. А. Папкина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва

**«Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова:
генетическое досье^{*}**

Рассматриваются очерки Вс. Иванова 1919 г., составляющие генетическое досье классического произведения о Гражданской войне – «Бронепоезд 14-69». Охарактеризованы реальные исторические контексты известных и неизвестных ранее текстов, исследована проблема авторства, выявлены символические образы, показано становление повествовательной манеры писателя. На основе анализа образа автора-повествователя в очерках делается вывод о том, что уже в 1919 г. определилась неоднозначная позиция Иванова по отношению к событиям Гражданской войны, свидетелем которых он являлся; эта позиция нашла отражение в «Бронепоезде 14-69» – повести 1921 г., пьесе 1927 г. и сценарии 1963 г.

Ключевые слова: «Бронепоезд 14-69», генетическое досье, очерки, исторический контекст, проблема авторства, символические образы, образ автора-повествователя, отношение к событиям Гражданской войны.

К столетию начала Гражданской войны в России в ИМЛИ РАН силами ученых из Омска, Новосибирска и Москвы подготовлено к печати научное издание классического произведения русской литературы XX в., в котором нашли отражение революционные и постреволюционные события, – «Бронепоезда 14-69» Всеволода Иванова. В книгу войдут повесть (1921), одноименная пьеса (1927) и киносценарий для неснятого фильма (1963). За прошедшее столетие историография много сделала для понимания переломного для русской и мировой истории периода: обнаружены неизвестные ранее архивные документы, опубликованы и прочитаны мемуары представителей как победившей, так и проигравшей стороны, откры-

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-84-01002а(ц) «Классическое произведение о Гражданской войне – “Бронепоезд 14-69” Всеволода Иванова: исторический и литературный контексты»).

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия; elena.iv@bk.ru)

та периодика 1917–1922 гг., в том числе и региональная. Наверное, символично, что именно сейчас «Бронепоезд 14-69» Иванова, на протяжении всей советской эпохи переиздававшийся и шедший на сценах театров на родине и за рубежом, будет издан без цензурных редакторских и режиссерских искажений, прочитан и осмыслен в контексте тех масштабных исторических событий, которыми он был рожден.

Опубликованная в 1921 г. повесть «Бронепоезд 14-69», принеся славу Иванову, родилась не сразу. Генетическое досье этого произведения, то есть «совокупность всех черновых материалов и промежуточных печатных изданий, участвовавших в создании текста и классифицированных в соответствии с хронологическим, жанровым, содержательным, формальным и иными принципами» [Генетическая критика..., 1999, с. 284] включает целый ряд текстов, написанных в течение 1919 – начала 1920 г., в которых уже происходило творческое осмысление писателем событий Гражданской войны.

Многое в изучении творческой истории «Бронепоезда» сделано исследователем творчества Иванова М. В. Минокиным. Именно он впервые заговорил о ранней повести писателя под заглавием «Фарфоровая избушка», которая была написана, скорее всего, в 1920 г. и в печати не появлялась [Минокин, 1966, с. 192–193]. Рукопись повести до настоящего времени не обнаружена, однако сохранились письма Иванова, свидетельствующие о том, что работа над ней была практически завершена. О повести Иванов сообщил А. М. Горькому 16 января 1921 г. из Омска: «Окончил недавно и теперь отделяю большую повесть (величиной в 200–300 страниц) “из современной жизни”, как говорят, – “Фарфоровая избушка”» [Иванов, 1978, с. 536].

На основе выявленных текстов из фонда писателя А. С. Сорокина в ГИАОО Минокин попытался реконструировать содержание «Фарфоровой избушки», предположив, что это было произведение об «интеллигенции, которая вольно или невольно связала свою судьбу с Учредительным собранием, а потом с омским “правительством”, пережила разочарование, разделила с армией ужасы отступления, а с беженцами – все мытарства дороги и кошмары теплушек» [Минокин, 1966, с. 195]. К сожалению, возможные фрагменты повести «Фарфоровая избушка» слишком незначительны по объему и вызывают много текстологических вопросов, поэтому на сегодняшний день вряд ли можно строить какие-либо концепции содержания этого утраченного произведения.

Думается, однако, что предыстория «Бронепоезда» началась на год раньше, в 1919 г., еще во время Гражданской войны, когда в периодической печати Омска и Кургана под разными псевдонимами стали появляться очерки молодого Иванова. В них еще не было глубокого осмысления событий этого времени, оно придет позднее. Короткие яркие зарисовки, в которых узнаются будущие эпизоды и персонажи «Бронепоезда 14-69», фиксировали отдельные факты действительности, увиденной писателем весной – осенью 1919 г. Можно выделить две группы таких текстов. Прежде всего это омские очерки: «Моль» (Заря (Омск), 1919, 23 февр., с. 3) и «Письма из Омска» (Земля и труд (Курган), 1919, 22 марта, с. 3), – подписанные сибирским псевдонимом Иванова – Всеволод Тараканов, а также впервые вводимый в научный оборот очерк «Господин Мартынов» (Вперед, 1919, 27 июля, с. 2. Подп.: *Иван Лыков*), представляющие отдельные черты жизни «третьей столицы». К этим документальным произведениям примыкает с 1919 г. не печатавшийся текст, озаглавленный «Атаман Вершинин (Из Иртышских казачьих сказаний)» (Единая Россия (Омск), 1919, № 6, с. 1–4. Подп.: *Г. Тасин*), который соединяет в себе типологические черты очерка и рассказа. Другая группа – «У черты (Очерки фронта)» (Сибирский казак (Омск), 1919, 13 сент. – 5 нояб.), также подписанные Вс. Тараканов. События на фронте нашли отражение и в тексте «Петропавловск (Стихотворение в прозе)» (Вперед, 1919, 22 авг., с. 1. Подп.:

Вс. Иванов), в связи с которым возникает проблема авторства. В генетическое досье «Бронепоезда» мы включаем еще очерк «Из рабочих недр» (Советская Сибирь (Омск), 1921, 1 февр., с. 2. Подп.: *В. Изюмов*), описывающий встречу автора-повествователя с типографским рабочим, после Гражданской войны принявшим коммунистическую веру.

Очерки Иванова, как часто свойственно этому жанру документальной прозы, имеют автобиографический характер, автор в них «выступает и как лирический герой, и одновременно как герой-рассказчик, личность, которая объединяет разрозненные звенья живой действительности, наблюдаемой им» [Журбина, 1969, с. 41]. Молодой писатель и журналист, военный корреспондент, передает поведение во время Гражданской войны представителей разных социальных групп: интеллигенции, городских обывателей, «союзников», беженцев, крестьян, казаков, рабочих, – записывает их рассказы, разговоры, оценки происходящих событий, иногда с короткими комментариями. Автор-повествователь – фигура в целом пассивная: он слушатель и наблюдатель, редко высказывающий свое мнение.

На улице сибирской столицы рассказчик по имени Всеволод встречается «талантливого поэта» М., с которым не виделся лет пять. Бывший знакомый получает прозвище Моль, давшее заглавие очерку. Это один из тех «интеллигентов», которые ярче всего будут выведены в сценарии «Бронепоезд 14-69» как кадеты-крестоносцы Таль и Каменский – корыстные, алчные, беспринципные. Война изменила поэта: в новые времена, «когда жизнь человеческая оценивается в один ружейный патрон», он занимается спекуляцией, оправдывая себя тем, что ею сейчас занимаются все: «семеновцы» – армия генерал-лейтенанта Г. М. Семенова: «порют, пьянствуют, торгуют железнодорожными билетами»; жители станции Маньчжурия за большие деньги предоставляют ночлег беженцам из России, у которых остались деньги, и т. п. [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 127–128]. В сценарии капитан Незеласов, не принимающий бесчестного поведения крестоносцев, тщетно пытается пристыдить их. Автобиографический герой очерка, не закончив беседы, поворачивается и уходит.

Рукопись очерка «Письма из Омска» Иванов, вероятно, послал своему другу поэту К. К. Худякову, члену партии эсеров, секретарю курганской газеты «Земля и труд». Напечатали очерк с купюрой: от слов «...диктатура пролетариата» до «И временами кажется...» в газете пропуск текста. Статья сопровождалась примечанием: «Продолжение следует», однако, скорее всего, редакция газеты не предполагала в дальнейшем сотрудничать с Ивановым: следующее «Письмо из Омска», подписанное НИК, принадлежало другому автору и акценты в нем были расставлены иначе.

Вы выходите утром на Любинский проспект, главную улицу молодой сибирской столицы. Какое движение! Подняв воротники, спешат в свои департаменты и министерства чиновники. Проходят, отбивая, отряды солдат. Мчатся автомобили со «знатными иностранцами»¹,

– это описание столичной жизни отличается от нерадостной картины, представленной Ивановым: персонажи практически те же, а эпитеты другие. Канадцы, «с любопытными огоньками в глазах», спекулянты с «хищнической, спокойной походкой», «приезжий элемент», который «откровенно, до цинизма» «танцует, пьянствует, флиртует», – этот «кипящий жизнью Омск» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 129–130] во многом стал прообразом города, в котором происходит действие сценария «Бронепоезда». Не случайно, кстати, в его тексте упомянута Проломная улица – та, где жил в 1918 г. сам Иванов. Описание «квартирной нужды» в столице, когда бежавший из Центральной России писатель понимает

¹ Земля и труд. 1919. 13 апр. С. 2.

«прелесть теплой кухни», становится реальной основой для слов матери капитана Незеласова в пьесе «Бронепоезд 14-69»:

Дальше бежать некуда, а прибывают еще беженцы, теснота, а к городу еще, говорят, поезда идут и идут. И слава Богу, что мы в цветочном магазине поселились! Другие совершенно в неприличных местах живут [Иванов, 1931, с. 10].

С иронией охарактеризованы в очерке разнообразные омские газеты. Не вошедший в текст сценария «Бронепоезда» диалог секретаря газеты «Белое знамя» и офицера Иванов, вероятно, писал, вспоминая и о них:

– Варя! Мне знакомы все официальные сводки, но у вас, наверное, есть сведения со стороны?

– Есть, – отвечает Варя, – наши на самом деле нанесли партизанам серьезное поражение. Первый и последний раз наша газета не соврала².

Авторское отношение к упомянутой в очерке Советской России понять сложно (эпитетом «кошмарная» награждают ее беженцы), но, судя по отсутствию продолжения, звучащее в тексте ностальгическое воспоминание о ней редакции газеты «Земля и труд» близко не было.

Время действия очерка «Господин Мартынов» – лето 1919 г. Передвижная военная газета «Вперед», где сотрудничает в это время Иванов, как показывают сохранившиеся в ГАРФ и РГБ экземпляры, возвращается из Екатеринбургa в Омск.

Газета «Вперед» выходила с 4 марта 1919 г. под девизами: «Верьте в Россию!», «Все для спасения Родины!», «Честь бойцам, смерть врагам» и др. Редактировал ее полковник В. Г. Янчевецкий – будущий писатель В. Ян. Печаталась она то в Омске, то в Екатеринбурге, то в Петропавловске. Это был поезд, в вагонах которого помещалась типография, жили редактор с семьей, наборщики и сотрудники редакции с семьями, в том числе в течение лета – осени 1919 г. и Вс. Иванов с женой М. Н. Синицыной.

О направленности издания можно судить по редакционным статьям, печатавшимся на первой странице без подписи или с подписью «В. Я.» (Василий Янчевецкий). Например:

Большевики – болезнь русского народа, выросшая на русском невежестве, отсутствии государственной обязательной школы, отсутствии семейных крепких основ, при упадке веры и необязательности нравственности и честности и при нездоровых экономических условиях. Всем этим и воспользовались и фанатики социализма, и демагоги, и преступники, и просто жулики, выплывшие на поверхность взбаламученного революцией русского моря (Вперед, 1919, 18 июня)³.

В опубликованном Ивановым очерке отражен период начавшейся в Омской столице паники: весеннее наступление колчаковских армий в марте – апреле 1919 г., вселившее надежды на успех «белого дела» в целом, сменилось контрнаступлением красных: 9 июня они заняли Уфу, 1 июля взяли Пермь и Кунгур, 13 июля – Златоуст, 14 июля – Екатеринбург, 24 июля – Челябинск. 25 июля выходит Приказ Верховного правителя А. В. Колчака:

Отход наших армий на уральском фронте вызвал... ложные и тревожные слухи об армии и правительстве. <...> В среде тех граждан, которые

² НИОР РГБ. Ф. 673. К. 21. Ед. хр. 7. Л. 39.

³ Далее материалы издания цитируются в тексте статьи с указанием названия газеты и даты выхода номера в скобках.

никогда ни о чем не думали, кроме наживы за счет государственного бедствия, и утратили всякие представления о долге и чести... создалась животная трусливая паника. Появились отвратительные явления беженства здоровых сильных физически людей, неспособных с оружием в руках отстаивать даже себя... и уклонения под разными предлогами от величайшего долга перед Родиной – военной службы»⁴.

Очерк Иванова становится прямым откликом на ситуацию.

Подобных Мартынову господ, красиво говорящих о «любви к родине», «Возрождении» России, одновременно собирающихся в Японию, но представляющих свое бегство как некое самопожертвование («Что придется претерпеть – я не знаю...» – Вперед, 27 июля), Иванов опишет в сценарии «Бронепоезд 14-69», который был принят киностудией «Мосфильм» в 1963 г., а затем отвергнут, так как автор не захотел в угоду постановщикам изменить собственный текст в идеологически верном направлении. В сценарии, в сравнении с ранее написанными вариантами и редакциями, существенно расширена «городская» часть: выведены в качестве действующих лиц и генерал Спасский, и офицеры – товарищи капитана Незеласова, и молодые кадеты-крестоносцы. «Мы приняли крест», – воодушевленно говорит Спасский Незеласову, а затем, как и Мартынов, думая, что «все потеряно», собирается на пароходе союзников в Йокогаму. На вопрос: «А Россия?» – генерал цинично отвечает: «Что сделается России. Мы попутешествуем, она постоит, подумает, и мы вернемся». В реальности, как гласил приказ Колчака, создателям и распространителям ложных слухов» грозили «полевой суд и смертная казнь, как за измену»⁵. Персонажи сценария, офицеры «белой гвардии», понимая, что бесчестный поступок Спасского недостоин русского генерала, предлагают ему застрелиться: «Бежать с ними (союзниками. – Е. П.), покрывая нас несмываемым позором, мы не дадим»⁶. В очерке Иванова ситуация решена в ироническом ключе: автор-повествователь, проводив Мартынова на вокзал, садится к столу и пишет следующее:

Предлагаю каждодневно извещать, что красные взяли Омск, Новониколаевск, Томск и т. д. Каждый день по одному городу. Желающие пусть спасаются бегством. Отправить их всех во Владивосток и на особых плотках двинуть в море. Пусть собственными силами поучатся. Немедленно по проведению сей меры результаты оздоровления будут налицо (Вперед, 27 июля).

Но никто ни истории с Мартыновым, ни проекта не печатает: то ли по причине того, что редактор носит ту же фамилию, то ли понимая, что желающих спастись бегством окажется слишком много.

Если следовать хронологии, следующим был напечатан текст «Атаман Вершинин (Из Иртышских казачьих сказаний)». О рассказе «Атаман Вершинин», подписанном псевдонимом Г. Тасин и опубликованном в журнале «Россия» (Омск, 1919. № 6), впервые заговорил в 1960-е гг. Минокин, по понятным причинам изменив реальное название журнала «Единая Россия» на нейтральное «Россия» [Минокин, 1966, с. 196].

Еженедельный военно-литературный иллюстрированный журнал «Единая Россия» выходил в Омске в 1919 г. Издавало его военно-экономическое общество, редактором являлся генерал-лейтенант С. А. Зубов. Текст «Атаман Вершинин», имевший подзаголовок «Из иртышских казачьих сказаний», открывал шестой – казачий – номер журнала, вышедший не ранее начала сентября 1919 г.

⁴ Сибирская речь. 1919. 27 июля. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2498. Л. 1–124.

В «Единой России» Иванов напечатал только одно произведение, «Атаман Вершинин», и псевдоним Г. Тасин больше никогда не использовал. Однако стиль молодого автора узнаваем.

Композиционно «Атаман Вершинин» представляет собой, как и некоторые другие произведения Иванова 1916–1917 гг., например «Рао», «Золото», «Сны осени» и др., рассказ в рассказе. Повествование ведется от первого лица. Романтически настроенный юноша, странник, слышит от своего собеседника, старого казака, историю об атаманах-разбойниках Селезне и Вершинине. В финале старик досказывает, что на том самом утесе Вершинин Бык, где атаман бросился в Иртыш, и его собственный сын, «сбитый с толку бергалами – ребятами молодыми и позарившийся на чужое добро», «покончил с собой, с тоски да с горя» [Тасин, 1919, с. 4].

Рамочная часть текста достаточно объемна, в отличие от названных рассказов 1916–1917 гг., напоминает путевые заметки или этнографический очерк и, возможно, имеет истоки в реальной биографии Иванова, много лет странствовавшего по Сибири. Возможно, встреченный рассказчиком опытный рыбак, движения которого «обличали большую физическую силу», с уважением говорящий о хозяйстве и рассказывающий историю атамана Вершинина, мог послужить прообразом «рыбака больших поколений» [Иванов, 2012, с. 16], хозяйственного мужика Никиты Вершинина в повести «Бронепоезд 14-69». Описание сибирской природы, носящее в «Атамане Вершинине» подробный, достаточно традиционный характер, можно увидеть также в раннем варианте одной из глав повести, обнаруженном Минокиным в архиве ленинградского коллекционера Ф. В. Грошикова – заместителя редактора журнала «Красный командир», куда в мае или начале июня 1921 г. Иванов принес рукопись [Минокин, 1970]. Вот описание партизанского лагеря из этого текста:

...Крутые обнаженные скалы гранитов. В глубоких и узких падах темнели дубы, желтел орех и совсем по-осеннему прозрачно блестел листвою ясень.

Далеко, внизу, на узенькой, отсвечивающей почему-то плесенью тропе куча людей.

<...> Кругом сопки – горы, похожие на муравьиные кучи. На подолах их дикая яблонь, бархатное дерево, выше – береза, липа, а на вершинах – лиственница, сосна [Там же. С. 154–155].

Здесь представлен такой же, как в «Атамане Вершинине», принцип употребления диалектных слов – разъяснение их в самом тексте. Сравним в «Атамане Вершинине»: «Рыбак стоял на корме, во весь рост, крепко упираясь шестом в речное дно и удерживая лодку, уткнувшуюся носом в прибрежные “гольцы”, т. е. мелкие, отшлифованные течением камни, которыми покрыто все русло горной реки» [Тасин, 1919, с. 1]. В журнальном варианте повести и впоследствии в отдельных изданиях значения многочисленных диалектизмов даны в подстраничных примечаниях.

Минокин отмечал, что «в ранней редакции картина партизанского лагеря была совершенно лишена динамики». Но «в опубликованном варианте партизанская масса находится в движении» – делал справедливый вывод исследователь [Минокин, 1970, с. 155]. Это изменение повествовательной манеры Иванова становится еще более очевидным при сравнении текста «Атаман Вершинин» с повестью «Бронепоезд 14-69». Другими станут ритм и интонация повествования: из эпической спокойной, воскрешающей старинное предание, она станет взвихренной, стремительной:

Мужик с перевязанной головой бешено выгнал обратно из переулка свою игреную лошадь.

Тело его влипло в плоскую лошадиную спину, лицо танцевало, тряслись кулаки и радостно орала глотка [Иванов, 2012, с. 19].

Заканчивался «Атаман Вершинин» пейзажной зарисовкой:

Туман клубился и поднимался все выше и выше. Мы были еще на вершине горы, но ни острова, ни Иртыша, ни утеса атамана Вершинина уже не было видно. Все потонуло в молочно-белой мгле утреннего тумана» [Тасин, 1919, с. 4].

Смутное ощущение остается по прочтении у читателя. С одной стороны, автор-повествователь, подобно молодому Горькому, восхищается гордой фигурой Вершинина, его мятежной душой, его стремлением к воле. Однако рыбак иначе трактует «вольное житье», вспоминая своего погибшего сына:

Захотелось ему тоже вольное житье испытать, да не те ноне времена. Не чаял я греха, чтобы мой сын на такое дело пошел. <...> Упокой Господь его душу грешную [Там же].

Символический образ тумана переходит в повесть:

Беспорядку много. Народу сколько тратится, а все в туман... У меня, Сенька, душа пищит, как котенка на морозе бросили... да-а... Мост вот взорвем, строить придется. <...> Ну вас к черту!.. Никто не знат, не понимает... Разбудили, побежали, а далее что?.. [Иванов, 2012, с. 37]

– говорит партизанский командир Вершинин. В пьесе «Бронепоезд 14-69» реплика его немного отредактирована, но смысл сохранен:

Шуму много, сколько народу тратится – и все в туман. У меня, Знобов, душа пищит. Как котенка на мороз бросили. Не понимает. Мост вот взорвали, новый строить придется, пошто так? С родителями вот своими я не простился [Иванов, 1931, с. 51].

Образ тумана переходит и в сценарий и вроде бы разъясняется в заключительной предсмертной реплике председателя ревкома, но читателю по-прежнему есть о чем задуматься:

Помните, Никита Егорыч, – шепчет Пеклеванов, закрыв глаза, – помните, мы плыли в тумане... и казалось, плохо видели, что впереди. А теперь? Глаза у меня закрываются, я вроде засыпаю от слабости, – и все-таки вижу восход солнца... восход, светозарный восход...⁷

В жанре очерка, также от первого лица, осенью 1919 г. будут написаны Ивановым и «очерки фронта» «У черты», печатавшиеся в сентябре – начале ноября в омской газете «Сибирский казак». Об этих очерках, переключках их текстов с текстом повести «Бронепоезд 14-69» нам уже приходилось писать [Папкова, 2015, с. 17–26].

К очерку «Осень» тематически и стилистически примыкает еще один текст, по поводу авторства которого нет единой точки зрения. Это «Петропавловск (стихотворение в прозе)» (Вперед, 1919, 22 авг., с. 1. Подп.: *Вс. Иванов*). Известно, что в Омске летом 1919 г. находилось два Всеволода Иванова: Вс. Вяч. Иванов и Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971) – прозаик, поэт, журналист, философ, культуролог, рассказавший об этом периоде своей жизни в книгах «В граждан-

⁷ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 2498. Л. 124.

ской войне: Из записок омского журналиста» (1921) и «Крах белого Приморья: Из записок журналиста» (1927). Выпускник Санкт-Петербургского университета, участвовавший в Первой мировой войне, он приезжает в Омск в мае 1919 г. и активно включается в культурную жизнь третьей столицы: становится заведующим газетным отделом в Русском бюро печати, главным редактором «Нашей газеты» – органа партии кадетов, печатается в омских периодических изданиях. В ноябре 1919 г. уезжает на восток, долгое время живет в Харбине. Если верить автобиографии Вс. В. Иванова 1922 г., путаница с фамилиями едва не стоила ему жизни зимой 1919 г. Такая путаница продолжалась и после смерти Иванова. Об этом говорил в своем докладе 1972 г. его друг, сибирский писатель Н. И. Анов (Иванов), опровергая факт из воспоминаний Г. Ф. Дружинина, где Вс. В. Иванов назывался в числе людей, сопровождавших адмирала А. В. Колчака на фронт осенью 1919 г. Анов категорически утверждал, что это был не наборщик Всеволод Вячеславович: «любая охрана не допустила бы его на пароход». Напротив, «Всеволод Никанорович Иванов, в то время возглавлявший Прессбюро Верховного правителя, по долгу службы был обязан освещать поездку Колчака на фронт» (цит. по: [Лоцилов, 2017, с. 43]). Не пытаюсь подтвердить или опровергнуть слова Анова, стремящегося защитить доброе имя друга от порочащих его фактов, добавим, что инспекционная поездка Колчака была совершена 20–25 августа в район Петропавловска, куда 19 августа выехала редакция газеты «Вперед» и где она находилась до 31 августа⁸.

Современные исследователи истории литературы периода Гражданской войны не столь категоричны в противопоставлении двух Ивановых. Так, С. И. Якимова пишет об общении различных писателей в Омске в 1919 г., «несмотря на разницу формировавшихся тогда их общественно-политических позиций» [Якимова, 2013, с. 144]. Теперь, когда нам известны военные публикации Вс. В. Иванова в газетах «Сибирский казак» и «Вперед», становится очевидно, что разница эта не была так уж велика. Стихотворение в прозе «Петропавловск» Якимова рассматривает как произведение Вс. Н. Иванова, отмечая «метафорический смысл» эпитета «серый», который «“обнимает” целый мир, вбирая его в себя», указывая на созвучие его стихотворению А. Ахматовой «Все расхищено, предано, продано...» [Там же, с. 143].

Думается, однако, нельзя однозначно утверждать, что «Петропавловск» принадлежит перу именно Вс. Н. Иванова. С одной стороны, Вс. В. Иванов, живя в Сибири, только самые первые свои произведения 1916–1917 гг., написанные еще в Кургане, подписывал «Всеv. Иванов» или «Вс. Иванов». В 1919 г., о котором идет речь, он использовал псевдоним Вс. Тараканов или соединял фамилию и псевдоним – Вс. Иванов-Тараканов (см. рассказ «Анделушкино счастье», очерк «Отверни лицо свое», печатавшиеся в газете «Заря», и др.). Но и Вс. Н. Иванов не подписывал свои произведения «Вс. Иванов» – а именно так подписан «Петропавловск», – а ставил только первую букву имени: «В. Иванов». Так подписаны его публикации в газете «Сибирская речь» августа – сентября 1919 г.: «Политические чистюльки» (14 авг.), «Мирное житие» (17 авг.), «О Горькой истине» (26 авг.), «Вошь» (6 сент.), «Похвала филистерам» (11 сент.) и др. Номера «Нашей газеты» подписаны: «Редактор – В. Н. Иванов». С газетой «Вперед» Вс. Н. Иванов не сотрудничал, произведений своих в ней не печатал. Отметим также, что стихотворение в прозе «Петропавловск», судя по его содержанию, написано человеком, находящимся на фронте и реально наблюдающим, как «маленькие кони гривы разметали; серые острые глаза хозяев смотрят сердито на запад», как «подпрыгивает таратайка извозчика, а в ней измученное лицо в бледно-зеленой гимнастерке, на погоне звездочка» (Вперед, 22 авг.). Тематика текста военная, в то время как

⁸ ГАРФ. Ф. Р952. Оп. 1. Ед. хр. 245. Л. 7–10.

содержание указанных публикаций Вс. Н. Иванова этого периода ничем не подтверждает, что автор находится на фронте. Статьи Вс. Н. Иванова показывают широкое гуманитарное образование автора – историка, философа, некоторое время учившегося в Германии и знакомого с европейской культурой. Он цитирует стихи А. А. Блока, комедию «Ревизор» Н. В. Гоголя, эпиграмму Ф. Шиллера на кантианцев, его «Песню о колоколе» и другие стихотворения, басню И. А. Крылова и пьесу А. Н. Островского «Гроза», немецкие газеты, упоминает «краткую, но выразительную формулу» императора Вильгельма 1900 г., включает в тексты слова на немецком языке и т. п. Ничего подобного нет в стихотворении в прозе «Петропавловск», описывающем, как «дождик накрапывает. Серая пыль к земле прижалась. Из окон выглядывают обыватели, в их глазах ты читаешь страх: “Идут красные!” А на белой стене магазина кричит плакат: – Все на борьбу с большевизмом!..» (Вперед, 22 авг.).

На авторство Вс. В. Иванова указывает, наконец, прямое совпадение в текстах «Петропавловск» и «Осень». Сравним. «Петропавловск»: «Видишь: ртутью брызнули в небо шашки – солнце целует сталь» (Вперед, 22 авг.). «Осень»: «Точно ртутью в небо брызнуло! Это шашки» (Сибирский казак, 1919, 13 сент.)⁹. Однозначно признать авторство Вс. В. Иванова мешает, пожалуй, только лирическая часть текста, включающая образы, не типичные для этого писателя: «Каким плачем плакать мне, о Господи! Прекраснейшему цветку моему как поклонюсь? Как расскажу о его муках, о его страданиях – не могу» (Вперед, 22 авг.). Тем не менее, хотя и с оговорками, мы также включаем стихотворение в прозе «Петропавловск» в генетическое досье «Бронепоезда 14-69».

Очерк «Из рабочих недр» (Советская Сибирь, 1921, 1 февр. Подп.: В. Изюмов) стал одним из последних произведений, написанных Ивановым в Сибири. На этот раз автор-повествователь передает свои впечатления от встречи с молодым рабочим Ванькой, с которым когда-то вместе служил в типографии, ныне – коммунистом. В этом тексте, как впоследствии во всех редакциях «Бронепоезда», революция представлена автором как «новая вера»:

Главное, вера! Как потеряет человек веру, крышка, пропал! Коли в себя не веруешь, так хоть в черта верь, а держись. А мы, Васька, веруем. И пусть мне теперь кишки по одной вытянут, а я, брат, пропал ни за што (цит. по: [Папкова, 2012, с. 342]).

За понимание революции как новой народной веры Иванову в 1922 г. досталось от критика П. Когана: «Иванов не знает и не хочет или не способен узнать, что... эти смутные представления о революции как о новой вере... что все это будет рассеяно пролетариатом и его идеологией» [Коган, 1922]. Можно понять критику, если вспомнить, что знаменитое «упропагандирование» американца во всех редакциях «Бронепоезда» происходит на «святых книгах». В повести 1921 г. это «Учебник Закона Божия для сельских школ». На божественных картинах – принесение Авраамом в жертву Исаака – Знобов и разъясняет понятия «пролетариат», «буржуй» и др. В пьесе добавлена реплика Бабы о картине: «Она хоть и святая, да и тут святое дело» [Иванов, 1931, с. 54]. Фраза без изменения перенесена автором в сценарий.

Назовем еще один символический образ, который перейдет из очерка в текст «Бронепоезда».

Есть такие дураки, которые обижаются: вот, мол, комиссары на автомобилях раскатывают да папиросы курят, – говорит Ванька. – А, по-моему, плевать. Это ведь так – пришло, покипит – пена похлещет, да и в сторонку.

⁹ Далее материалы издания цитируются в тексте статьи с указанием названия газеты и даты выхода номера в скобках.

А потом придут времена, что на автомобиле всякий катается... (цит. по: [Папкина, 2012, с. 342])

В заключительной главе повести «Бронепоезд 14-69», названной «Пена», описана победа восстания в городе. Горячее, хмельное, ликующее настроение охватывает всех. Председатель ревкома Пеклеванов, уже предвидя мировую революцию, «куда-то пытается прыгнуть и телом, и словами: – В Америке – со дня на день!» [Иванов, 2012, с. 81] Партизаны захватили огромный стальной бронепоезд – и теперь «вся линия знает, город знает, вся Россия... <...> Ага!» [Там же, с. 83]. По улицам идет манифестация, а на автомобиле впереди пастухов, рыбаков и крестьян, с «ровным, как у усталого стада, шагом», едет Вершинин с женой:

Горело у жены под платьем сильное и большое тело, завернутое в яркие ткани. Кровянились потрескавшиеся губы и выпячивался, подымая платье, крепкий живот. Сидели они неподвижно, не оглядываясь по сторонам... [Там же, с. 88–89]

На шествие смотрит «чистый и гладкий» американский корреспондент. Вопреки общему радостному возбуждению, наблюдающий за всеми тщедушный солдатик испытывает странное чувство: «...И было ему непонятно стыдно не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу» [Там же, с. 89]. Финалу повести сложно дать однозначную трактовку. Слова Иванова о солдатике, который «устал и привык к манифестациям», парадоксально перекликаются с репликой капитана Незеласова: «Стекаем: гной из раны... на окраины... Мы! Все – и беженцы, и утонувшие в снегу правительства» [Там же, с. 3] в начале повести. На смену Временному правительству, первой Советской власти, Временному Сибирскому правительству, Всероссийскому Временному правительству (Директории), Российскому правительству адмирала Колчака, которые видели и персонажи повести, и ее автор, торжествуя, приходит еще одно. Какова будет его судьба? Станет ли оно истинно народным? Возможно, об этом заставляет задуматься финальная глава повести – «Пена».

Рассматривая очерки и близкие к ним произведения Иванова 1919 г., отметим в них особую роль автора-повествователя, существенную для понимания авторского взгляда на события Гражданской войны в «Бронепоезде» – как в повести, так и в пьесе и сценарии. В очерках, не описывающих военные события: «Моль», «Господин Мартынов», «Из рабочих недр» – автор-повествователь выступает как слушатель и свидетель, иногда ироничный, происходящего, который не высказывает напрямую своей оценки. Нет четкой оценки и в текстах «Писем из Омска» и «Атамана Вершинина», где представлены внутренне противоположные точки зрения. Роль автора-повествователя в военных текстах на первый взгляд другая: в «Петропавловске» ярко выражено лирическое начало, а в первом «очерке фронта», «Осень», он – действующее лицо и, как его дядя и сводный брат, выступает в поход против «красных». В очерке «Болтушка» автор также как будто находится среди казаков, переловивших красных, «как щенят» (Сибирский казак, 19 сент.). Однако уже начиная с третьего очерка и до конца публикации автор выступает только как наблюдатель и слушатель, сам не участвующий в боевых действиях, а передающий рассказанные ему истории об атаке на красный бронепоезд, о встрече двух солдат, белого и красного, из одной деревни, о жуткой расправе китайцев из интернациональных частей над пленным казаком и др. Практически везде автор только просит солдат или офицеров рассказать подробнее о том или ином событии, иногда задает вопросы, лишь изредка встречаются его реплики, передающие отношение к происходящему, например сомнения в победе («...слодим мы их к октябрю. – Я высказываю сомнение». – Сибирский казак, 30 сент.). Чувства его чаще всего двойственны. Так, от встречи с беженцами «веет

чем-то древним и радостно-дорогим», но это чувство тут же сменяется другим. Садится солнце, «на серые лица беженцев ложатся красные пятна, и вскипевший котел бурлит алой, точно кровь, водой. “Россия – ты!” – мелькает мысль...» (Сибирский казак, 4 окт.).

Очерки фронта, как впоследствии повесть «Бронепоезд 14-69», демонстрируют размытость традиционной для военной публицистики оппозиции свой/чужой. В очерках, открывающихся ярким противопоставлением «наших» и «красных», образы последних постепенно трансформируются. Один из диалогов показывает, что жестокость Гражданской войны не укладывается в сознании ее участников: «...Ранили, брат, ногу черт один рубанул. – Красный? – А то что? Да ведь наш, сызранский. Вот он» (Сибирский казак, 23 сент.), – рассказывает автору «знакомый солдатик». «Оборванные, худые да сухие», красные при встрече на расстоянии десяти шагов вызывают жалость казаков: «Господи! Плюнули мы да и разбегались...» (Там же, 30 сент.) Автор замечает, что не все крестьяне настроены враждебно к красным: «Судя по с. Омутинскому, красные еще не смогли внушить здесь к себе ненависти населения. Говорят о них спокойно, и хотя не хвалят, но и не бранят» (Там же, 4 нояб.). В повести, где оппозиция свой/чужой усилена: представлены партизаны, рабочие и ревком, с одной стороны, и команда белого бронепоезда – с другой, неочевидность противопоставления и противоречивое отношение автора, видящего, как жестоко истребляют друг друга русские люди, подчеркиваются другими художественными средствами.

О неоднозначности авторской оценки событий критики писали с момента появления повести «Бронепоезд 14-69». Так, критик русского зарубежья П. Пильский в рецензии на номера 1 и 2 журнала «Красная новь», давая характеристику «лучшим рассказам»: «Недавние дни» А. Аросева, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Голый год» Б. Пильняка, – выделял «объективность» Иванова:

Как ни вуалирует автор (Аросев. – Е. П.) своих симпатий к чекисту Бертеневу, они угадываются. Как ни старается он быть объективным, это не достигается... В искусстве есть нечто более сильное, чем воля и намерение, и эта сила – искренность. <...> Вс. Иванов – тоньше. <...> Он и объективней. <...> ...Он умеет быть экономным, остерегаясь неосторожной грубости, тщась остаться только живописующим наблюдателем [Пильский, 1922].

«Объективность» была тут же поставлена в вину Иванову советским критиком. Комментируя статью Пильского в рижской белогвардейской газете, И. Садофьев отмечал, что тот ругает всех советских писателей, кроме Иванова:

Иванов Пильскому любезнее потому, что «он остерегся от слишком явных проявлений своей вражды к белому капитану Незеласову, начальнику колчаковского бронепоезда № 14-69». А это для Пильских самое главное. Вс. Иванов больше всего, разумеется, заслужил себе у Пильского... снисхождения и внимания... Что же, – ласковый теленок двух маток сосет [Садофьев, 1922].

Отметим, что Пильский, а впоследствии Р. Гуль, обратили внимание на общую для всех персонажей ивановской повести «тоску» и «упадочность»: «У Всева Иванова она говорит всеми фигурами белого бронепоезда, но проступает и в “товарище Пеклеванове”, начальнике подпольного революционного комитета, и в деревенском парне Ваське» [Пильский, 1922, с. 2].

Думается, мы не ошибемся, если скажем, что отношение к событиям автора-повествователя из очерков 1919 г. доверено в повести 1921 г. солдатику в голубых обмотках и английских бутсах. Критики категорически не принимали этот образ. М. Гельфанд писал в 1928 г.:

Вспомним хотя бы... композиционно второстепенный, но сам по себе весьма значительный образ «тщедушного солдата в голубых обмотках», который во всей этой катавасии только и делает, что пассивно, но радостно ощущает свое бытие... никак не осмысливая происходящих на его глазах грозных событий (цит. по: [Папкова, 2012, с. 474]).

И в «Бронепоезде» в целом критик справедливо усмотрел «местами нотки скептического отношения» к происходящему:

...Характерна концовка повести. Тщедушный солдатик несет караульную службу в очищенном от белых городе. Кругом еще кипит борьба, на улицах медленно высыхает свежепролитая кровь, в календарь революции внесен еще один значительный факт, но у солдата, как мы видели, своя позиция: «...И было солдату *непонятно стыдно*, не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу» (цит. по: [Папкова, 2012, с. 474–475]; курсив М. Гельфанда).

Рискнем высказать предположение, что солдатик – образ столь же автобиографический, как и автор-повествователь в очерках 1919 г. По воспоминаниям В. А. Каверина, сам Иванов приходил к Серапионам в солдатских английских ботинках с зелеными обмотками [Каверин, 1975, с. 29]. Слова солдата: «Земля прошел много и народу всякого видел много» [Иванов, 2012, с. 85], – также совпадают с фактами биографии Иванова. Ни один из критиков не обратил внимания на то, что солдатик изначально – «белый»: во второй главке повести он отдает честь капитану бронепоезда Незеласову. На протяжении всего 1919 г. Иванов сотрудничает в «белых» изданиях. Солдатик «устал и привык к манифестациям» [Там же, с. 89], как и Иванов, за короткий срок пережив смены разных правительств в Сибири.

В написанных позднее пьесе и сценарии «Бронепоезда» образ солдата не сохранится, но появится близкий ему персонаж – студент Миша.

Стремление Вс. Иванова в художественном изображении столкновения разных сил и правд в Гражданской войне оставаться только «живописующим наблюдателем», которое он сохранял, создавая новые редакции и варианты произведения, более всего раздражало редакторов, режиссеров, театральных цензоров и работников киностудий, которые по мере своих сил и возможностей, в разное время по-разному, стремились лишить текст этой неоднозначности, четко расставив политические оппозиции: свой – чужой, красный – белый. Постоянно работали редакторами образы солдата и Миши. Приведем лишь один пример. Вошедшая в собрание сочинений Иванова 1950-х гг. редакция повести «Бронепоезд 14-69» завершалась такой фразой о солдате:

Смотрел он на американца поверх проходивших людей и пытался удержать американца в памяти. Но был тот гладок, скользок и неуловим, как рыба в воде, и это раздражало солдата – он был поэт, и ему страстно хотелось запомнить все удивительное и высокое, что произошло в эти дни [Иванов, 1958, с. 707].

Приведенные нами тексты, составившие генетическое досье «Бронепоезда 14-69», позволяют воссоздать путь Вс. Иванова к постижению глубины и трагических противоречий такого масштабного исторического события, как Гражданская война в России.

Список литературы

Генетическая критика во Франции: Антология / Под ред. А. Д. Михайлова. М.: ОГИ, 1999. 288 с.

- Журбина Е. И.* Теория и практика художественных публицистических жанров. М.: Мысль, 1969. 399 с.
- Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Госиздат, 1928–1931. Т. 6: Пьесы. 1931. 160 с.
- Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1958–1960. Т. 1: Партизанские повести. 1958. 720 с.
- Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Худож. лит., 1973–1978. Т. 8. 1978. 784 с.
- Иванов Вс.* Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. 352 с.
- Каверин В.* Брат Алеут // Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. С. 28–41.
- Коган П.* Литературные заметки. О международной махновщине и Вс. Иванове // Красная газета. 1922. 7 окт. (утро). С. 6.
- Лоцилов И. Е.* Николай Анов об Андрее Платонове и Всеволодах Ивановых // III–IV Литературно-краеведческие Ивановские чтения. 2015–2016: Ст., материалы, сообщ. Новосибирск: Наука, 2017. С. 28–53.
- Миокин М. В.* К предыстории повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1966. № 1. С. 192–196.
- Миокин М. В.* О раннем варианте повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» // Русская литература. 1970. № 1. С. 153–157.
- Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Папкина Е. А.* Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.
- Папкина Е. А.* Сибирские источники прозы Вс. Иванова 1920-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 17–26.
- Пильский П.* Пегая ночь // Сегодня (Рига), 1922. 10 авг. С. 2.
- Садофьев И.* Пролетарская литература в обстановке нэпа // Красная газета. 1922. 9 сент. С. 3.
- Тасин Г.* [Иванов Вс.] Атаман Вершинин (Из Иртышских казачьих сказаний) // Единая Россия. 1919. № 6. С. 1–4.
- Якимова С. И.* Всеволод Никанорович Иванов. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2013. 215 с.

Е. А. Папкина

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Russian Federation, elena.iv@bk.ru*

«Armored Train 14-69» by Vsevolod Ivanov: a genetic dossier

The paper reviews the essays by the Vsevolod Ivanov that make up the genetic dossier of the classic work on the Civil War – «Armored train 14-69». Written during 1919 – early 1920s, they represent the writer’s creative comprehension of the events of Russian history of the end of the first decade of the 20th century. The author identifies two groups of essays: the Omsk – revealing certain features of the life of the «third capital», and the military – showing the events on the «white» front, the attitude of soldiers and officers to the war. The autobiographical basis of Ivanov’s documentary prose of this period is revealed: his work in the newspapers «Zemlya i trud», «Vpered», «Sibirskiy kazak», the magazine «Edinaya Rossiya». The real historical contexts of known and previously unknown texts are characterized, in particular, the policy of the Supreme Ruler of Russia A. V. Kolchak in connection with the situation at the front in different periods of 1919. The problem of authorship of the text «Petropavlovsk» is investigated: the arguments have been found confirming that this poem belongs to Vs. V. Ivanov, not to Vs. N. Ivanov. Figurative, motivational, thematic, stylistic roll calls between essays and «Armored train 14-69» –

a story of 1921, a play of 1927 and a script of 1963 are traced. The images of fog and foam, which will pass from the documentary into the artistic prose, are revealed. The development of the narrative manner of the writer is shown by comparing the essay «Ataman Vershinin», an early version of the chapter from the «Armored Train 14-69» with its magazine version. The «front-line essays» traces the fuzziness of the opposition «friend-or-foe», traditional for military journalism, which will be emphasized by other artistic means in the artistic prose of the writer. The analysis of the author-narrator image in the essays, practically everywhere acting as an inactive witness of events or a listener, shows that already in 1919, Ivanov's ambiguous position towards the events of the Civil War was determined. Being reflected in the story «Armored train 14-69», this position was noted in the 1920s by critics of Russia abroad and Soviet Russia. Subsequently, while the editions of different years were published, the «Armored train 14-69» was corrected by ideologically vigilant editors, with the proofs given in the paper. A conclusion is drawn that the texts that made up the genetic dossier of the «Armored train 14-69» allow recreating the Vs. Ivanov's path to the comprehension of the tragic contradictions of such a large-scale historical event as the Civil War in Russia.

Keywords: «Armored train 14-69», genetic dossier, essays, historical context, the problem of authorship, symbolic images, the image of the author-narrator, attitude to the events of the Civil War.

DOI 10.17223/18137083/64/10

References

- Geneticheskaya kritika vo Frantsii: Antologiya* [Genetic criticism in France. Anthology]. A. D. Mikhailov (Ed.). Moscow, OGI, 1999, 288 p.
- Ivanov Vs. *Sobraniye sochineniy: V 7 t. T. 6: P'yesy. 1931* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 6. Plays. 1931]. Moscow, Gosizdat, 1928–1931, 160 p.
- Ivanov Vs. *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 1: Partizanskiye povesti. 1958* [Collected works: in 8 vols. Vol. 1. Guerrilla stories. 1958]. Moscow, Goslitizdat, 1958–1960, 720 p.
- Ivanov Vs. *Sobraniye sochineniy: V 8 t. T. 8. 1978* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 8. 1978]. Moscow, Khudozh. lit., 1973–1978, 784 p.
- Ivanov Vs. *Bronepoyezd 14-69* [Armored train 14-69]. Moscow, Veche, 2012, 352 p.
- Kaverin V. Brat Aleut [Brother Aleut]. In: *Vsevolod Ivanov – pisatel' i chelovek. Vospominaniya sovremennikov. 2-e izd., dop.* [Vsevolod Ivanov – a writer and a person. Memoirs of contemporaries. 2nd ed., comp.]. Moscow, Sov. pisatel', 1975, pp. 28–41.
- Kogan P. Literaturnye zametki. O mezhdunarodnoy makhnovshchine i Vs. Ivanove [Literary notes. On the international Makhnovshchina and Vs. Ivanov]. *Krasnaya gazeta*. 1922, Oct. 7, p. 6.
- Loshchilov I. E. Nikolay Anov ob Andreye Platonove i Vsevolodakh Ivanovykh [Nikolay Anov about Andrey Platonov and Vsevolod Ivanov]. In: *III–IV Literaturno-krayevedcheskiye Ivanovskiyechteniya. 2015–2016: St., materia-ly, soobshch* [III–IV Literary and regional studies Ivanov readings. 2015–2016. Articles, materials, messages]. Novosibirsk, Nauka, 2017, pp. 28–53.
- Minokin M. V. K predystorii povesti Vs. Ivanova “Bronepoyezd 14-69” [To the prehistory of the story, Vs. Ivanov's “Armored train 14-69”]. *Russkaya literatura*. 1966, no. 1, pp. 192–196.
- Minokin M. V. O rannem variante povesti Vs. Ivanova “Bronepoyezd 14-69” [On the early version of the Vs. Ivanov's “Armored train 14-69”]. *Russkaya literatura*. 1970, no. 1, pp. 153–157.
- Neizvestnyy Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva* [Unknown Vsevolod Ivanov: Materials of biography and creativity]. Moscow, IMLI RAN, 2010, 784 p.
- Papkova E. A. *Kniga Vsevoloda Ivanova “Taynoye taynykh”: Na perekrestke so-vetskoy ideologii i natsional'noy traditsii* [Vsevolod Ivanov's book “Taynoye taynykh”: At the crossroads of Soviet ideology and national tradition]. Moscow, IMLI RAN, 2012, 622 p.
- Pil'skiy P. Pegaya nov' [Pegaya nov]. *Segodnya* (Riga). 1922, 10 Aug, p. 2.
- Sadof'ev I. Proletarskaya literatura v obstanovke nefa [Proletarian literature in the conditions of NEP]. *Krasnaya Gazeta*. 1922, 9 Sept., p. 3.
- Tasin G. [Ivanov Vs.] Ataman Vershinin (Iz Irtyshskikh kazach'ikh skazaniy) [Ataman Vershinin (From Irtysh Cossack stories)]. *Edinaya Rossiya*. 1919, no. 6, pp. 1–4.
- Yakimova S. I. *Vsevolod Nikanorovich Ivanov* [Vsevolod Nikanorovich Ivanov]. Khabarovsk, TOSU, 2013, 215 p.
- Zhubina E. I. *Teoriya i praktika khudozhestvennykh publitsisticheskikh zhanrov* [Theory and practice of artistic publicistic genres]. Moscow, Mysl', 1969. 399 p.